

Николай ТИМЧЕНКО

Сосновоборск

Родился в 1950 году. До 1971 года жил в Курагинском районе. После службы в армии и окончания Красноярского пединститута работал в Кежемском районе учителем общеобразовательных школ, школы рабочей молодёжи и школы для осуждённых. В настоящее время пенсионер. Имеет изданные поэтические сборники и книги прозы. В 2014 году стал лауреатом конкурса имени И. Рождественского в поэтической номинации «Я себя не мыслю без Сибири». Член Союза российских писателей.

ОБЫЧАИ И ПРАВЫ

Глава из романа «Загадочное давным-давно»

Продолжение. Начало в «НЕЛ» №№ 1-3/2023

Пожилая женщина оживилась. В глазах появилось что-то лучистое, обнадеживающее. Она продолжила свой монолог, изредка прерываемый кем-нибудь из слушателей.

— И не потому ли стены нашего прежнего жилища были украшены рисунками женщин? Один из них запечатлел момент кормления материнской грудью малыша. Получилось ли у художника изобразить ребёнка таким, каким он был, или это оказалось результатом искажения действительности, но малыш на руках матери выглядел возрастом в две зимы или даже чуть старше. Кто-то из нас, девочек, поинтересовался, почему так. Нам с охотой пояснили, что такие большие малыши прикладываются к материнской груди лишь тогда, когда мать покормила младенца, а молоко осталось.

— А я помню, как сосал материну грудь, когда младшего братишку хвороба забрала в мир тьмы, — не скрыл факт от окружающих один из местных слушателей.

— Как и тогда, до достижения двух зим сосунков отнимают от груди и сейчас, — сообщила Хлут тонкости, которые в будущем могли оказаться полезными девочке другого племени. — На другом рисунке женщина что-то помешивала лопаткой или размельчала пестом зёрна. В роли

ступы можно было представить поверхность изображённого камня. И на это нам тогда дали разъяснения: женщина толчёт зёрна ячменя, который растёт на горных лугах. И здесь осенью мы заготавливаем ячменные снопы. Потом их просушиваем и вышелушиваем из колосьев зёрна. Зимой зёрнышки можно просто грызть или из растолчённых печь лепёшки. И наши рисунки здесь, в этой пещере, все имеют ритуальный характер. При всеобщем обращении к ним они приносят удачу: одни — на охоте, а другие — при сборе растительной пищи.

Отличием, не ускользнувшим от внимания подростков, было отсутствие животного-покровителя, которому бы местные жители поклонялись. У них дома таковым был рыр. У него просили удачу, ему приносили в жертву тела достойных. Охотники их пещеры, люди снис, убили рыр лишь однажды. Той весной он напал на людей.

Не зная слова «религия», путешествующие дети ощущали необычность отношения к объекту поклонения. Здесь не увидели для поклонений не только священного животного, но и какого-нибудь каменного, глиняного или деревянного идола. Изумлял своей необычностью факт захоронения соплеменников.

Эти пливс всех, малышей и воинов-охотников, предавали земле в одном из углов пещеры. Во время стоянки у реки ушедшим в мир тьмы выделили место в конце одной из нор. Узнали дети-путешественники и то, как это происходит. Оказалось, что покойного клали на бок с подогнутыми к подбородку коленями. Люди пещеры путешественников, принося в жертву своих достойных, усаживали их с подогнутыми к лицу коленями. Наш современник назвал бы это положение позой эмбриона в утробе матери. При этом люди пливс труп просто прикрывали слоем земли, чтобы он, разлагаясь, не смердел. Никаких обрядов над трупом или поклонений в местах захоронений пещерниками-отшельниками не проводилось. Но погибших в бою или на охоте непременно приносили домой. Там в ямке они, достойные из достойных, обретали вечный дом.

Вместе с покойным земля принимала охотничьи и воинские амулеты. Считалось, что, не спасшие своего хозяина, они неспособны спасти и того другого, кому стали бы принадлежать. Охотничьим амулетом этих пливс могли быть: коготь медведя, тигра, гепарда или рыси, клюв или коготь беркута, умело обработанная пластинка из рога сохатого, роговица пальца с копыта горного барана. Воинским амулетом часто становился хрящ ушной раковины противника. Если племя нападало, то все углём наносили на тела ритуальный раскрас. Если нападали на них самих, то времени для раскраски тел не было. Но и тогда воины-защитники успевали нанести на тела по несколько угрожающих полос.

Был у бабушки Хлут повод для особой радости и гордости.

— Отсутствие войн с другими племенами прекратило людоедство. Съесть тело убитого врага и тем отметить победу было в порядке вещей у всех: у пливс, снипс и черс. Если эту традицию я, все мы и вы с трудом можем терпеть, то охоту на людей ради их съедения объяснить и оправдать не может никто. Наши люди уже восемь зим не людоеды! — гордо заявила пожилая женщина.

В тот вечер юные охотники пришли в пещеру довольные. В скалистых горах, куда они ушли ещё вчера утром, удалось зажать между скал горного барана. Животное, как казалось юным охотникам, оказалось в безвыходном для него месте. Но вольнолюбивый рогатый красавец, уже получивший несколько ранений, нашёл выход. Чтобы прорваться из окружения, он понёсся прямо на Булута. Мальчишка не только сумел увернуться от удара мощными рогами, но и успел вонзить копьё под лопатку мчащегося прочь животного. После всех ранений баран не мог уйти далеко.

В пещере к дружной компании подседа бабушка Хлут. Она поведала о разговоре мужчин во время завтрака, пересказав его почти дословно:

— Как думаете, останутся дети с нами или уйдут к своим? Не от хорошей же жизни они покинули племя, — предположил Чонх.

При этом ни один мускул на лице не выдал его настроения. Хмурость, в честь которой он получил своё имя, оставалась неизменной и непроницаемой.

— Ну, Чонх, и задал же ты вопросик. Хотя зачем их оставлять здесь? Настоящими охотниками мальчишки станут через две зимы, а пока они только лишние рты. Это летом непоседы обеспечивают себя едой, а зимой носа не высунут из пещеры, — поделился мнением Чакт.

Всегда весёлый, он и в этот раз говорил без намёка на грусть или серьёзность. Слос, что означает «малыш», подержал соплеменника:

— Ты прав, Чакт. Зачем нам лишние рты этих долговязых? А вот девчонку можно и оставить. Она продолжила бы наш род.

Зикс, всегда тихий, возразил:

— Не останется она, Слос, если прогнать мальчишек.

Слос тут же парировал:

— Если сделать её женщиной, то ей понравится ощущать себя взрослой. Тогда-то точно останется.

Пережёвывая, все молча обдумывали эту мысль. Потом Чонх произнёс:

— Она ещё ребёнок. Рано делать её женщиной. Или ты забыл, что стало с Кочеем? А как потом болела Сия! Кочей тогда до поры польстился на красавицу.

— Помню. Изгнали его из племени, хоть и был отменным охотником, — не возражая, ответил мужчина-малыш.

— Вот то-то. Не под стать тебе, хлюпику, — сильный, как лесной кочей. Остаток зимы он в одиночестве пережил. Неизвестно только, замёрз он второй зимой или погиб в лапах зверя. Ты и зиму не протянул бы, — улыбаясь, разглагольствовал Чакт.

— Нашли что сравнивать. Сия — это наша девочка, а Сонх — чужачка, пришедшая. За неё и ответ другой, если что, — уверенно заявил Слос.

— Если уверен, что тебе ничего не будет, так испытай, — вставил реплику Зикс.